

дать отсылки и на книгу И. Караяннопулоса «Источники византийской истории»¹. Далее следует список тех же источников в хронологической последовательности (стр. 25—31); в свое время в рецензии на книгу Д. Моравчика² я как раз предлагал перейти в изданиях такого типа от условно-алфавитного принципа к хронологическому — Садецки-Кардош и Олайош пошли по среднему пути, сохранив структуру, аналогичную той, что лежит в основе труда Моравчика, но дополнив ее хронологически-последовательным списком. Сам список в их работе лишен пояснений — авторы даже не разделили использованные ими источники по векам; впрочем, во введении к списку дается обоснование некоторых датировок. Список охватывает византийских авторов от Приска (VI в.) до Константина Ласкаря (XV в.).

В приложении к 1-й части приведены: а) выборочный список латинских источников по истории аваров (стр. 33—47); б) некоторые восточные и славянские источники по той же теме (стр. 49—52). В обоих случаях имеются только условно-алфавитные списки.

Вторая часть книги — расположенные в хронологическом порядке сведения об аvaraх от 463 до 1303 г. (стр. 53—124). Авторы приводят дату события, кратко излагают его сущность и дают ссылки на источники и на основную литературу. Некоторые из этих сообщений не связаны с историей Византии и в византийских источниках не освещены, например победа аваров над Сигибертом (стр. 65 и сл.) и ряд других. Литература могла бы быть значительно расширена, в частности за счет русских работ. На стр. 127—140 помещены дополнения и поправки.

В целом книга Садецкого-Кардоша — справочник, облегчающий изучение истории аваров, ценный как для византиноведов, так и для тех, кто занимается прошлым нашей Родины.

T. Wasilewski. Bizancjum i Słowianie w IX wieku. Warszawa, 1972, 234 str.

Книга польского историка Т. Василевского посвящена политическим и культурным взаимосвязям Византии и южных славян в IX в. Важность проблемы, с одной стороны, и скудость уцелевших источников, с другой, приводят к тому, что многие стороны этих взаимосвязей остаются недостаточно ясными, а их оценка в литературе — противоречивой. Поэтому обзор истории отношений Византии с болгарами, сербами, хорватами и славянскими племенами, расселившимися на юге Балканского полуострова, основанный на изучении разноязычных и разнохарактерных памятников, равно как и обширной литературы, несомненно полезен не только для польского читателя.

Василевский начинает с предыстории отношений IX в.: гл. 1 посвящена вторжению славян на Балканы и началу византийской «реконкисты». Знаменитую фразу Константина Багрянородного («О фемах», II, 6.33), продолжающую вызывать споры¹, Василевский понимает как свидетельство славянизации Пелопоннеса (стр. 23). Странно, что до сих пор не привлекли должного внимания аналогичные строки Иоанна Геометра [Эллада стала варварской, сделалась страной варваров (PG, t. 106, col. 922 B)], которые прекрасно подтверждают наблюдения Константина VII.

Говоря о византийской «реконкисте», Василевский особо останавливается на так называемой *Notitia Isaurorum*, восходящей к нотиции, составленной в 751—787 гг. (стр. 28 и сл.), и констатирует наличие ряда новых епископий во Фракии, осуществивших миссионерскую деятельность среди славян. Вместе с тем он отмечает наличие линии византийских крепостей на границе с Болгарией (стр. 47 и сл.). Впрочем, вторжение Крума уничтожило эту крепостную линию.

В трех главах Василевский рассматривает историю политических взаимоотношений Византии с Болгарией в первой половине IX в., уточняя конкретные факты этой истории. В частности, основываясь на «каменной хронике» из Шумена, Василевский считает, что хан Маламир около 830 г. занял Филиппополь (стр. 80 и сл.), а надпись из Сулейман-кёй рассматривает как договор Маламира (не Омортага) с византийцами, по которому Филиппополь остался в руках болгар (стр. 82—84); он датирует византийскую экспедицию против болгар при Михаиле III не 863—864 гг., как это обычно делают, а 855—856 гг. (стр. 110).

Две следующие главы посвящены очень спорным вопросам о крещении болгар и о миссии Кирилла и Мефодия в Моравию, причем Василевский специально останавливается на так называемой первой византийской миссии в Болгарию около 863 г., которая, по его мнению, была направлена Фотием (стр. 152—154). Василевский касается также проблемы становления славянской письменности: по его мнению, в Болгарии сперва пользовались греческим алфавитом для славянских текстов, затем в светский обиход была внедрена кириллица, тогда как глаголица употреблялась в бого-

¹ См. аннотацию: ВВ, 34, 1973, стр. 285—286.

² См. ВВ, XVI, 1959, стр. 274 и сл.

¹ См. в последнее время: J. Tsaras. Le verbe ἐσθλαζώδη chez Constantin Porphyrogénète. — «Cyrillometethodianum», I, 1971, p. 26—57.

служении; только при Иоанне Экзархе кириллица нашла себе применение и в церкви (стр. 171 и сл.).

Затем Василевский останавливается на положении славян в пределах Византийской империи, и в частности на византино-славянских «архонтиях» на Балканах (стр. 173—177). Он подчеркивает, что в 816—879 гг. появилось 12 епископий, носивших славянские топонимы, тогда как за 879—901 гг. можно отметить лишь одну епископию со славянским названием (стр. 187), что свидетельствует, по его мнению, об успешной эллинизации балканских областей к концу IX в.

Наконец, Василевский касается истории византино-сербо-хорватских отношений конца VII—IX в. и взаимоотношений Византии с Болгарией в конце IX в. вплоть до первой войны при Симеоне. Помимо политической стороны этих событий, он отмечает и идеологическую — начало «лингвистического конфликта» между «филэллинами» и сторонниками славянского языка (стр. 227 и сл.). В кратком заключении Василевский подчеркивает ту роль, которую сыграли византийские культурные влияния в жизни южных славян.

А. К.

A. A. Glabinas. 'H ἐπὶ 'Αλεξίου Κομνηνοῦ (1081—1118) περὶ ἱερῶν σκευῶν, χειρῶν καὶ ἀγῶν εἰκότων ἐρις (1081—1095). Thessalonike, 1972, 217 p.

Греческий ученый А. Главинас рассматривает оппозиционное движение, возникшее в Византии в начале правления Алексея I Комнина в связи с решением императора о конфискации части церковных сокровищ на военные нужды. Протест исходил от видного церковного иерарха Льва Халкидонского, поддержанного частью высшего духовенства и имевшего сторонников среди светской знати. Источники для изучения борьбы Льва Халкидонского против правительства Алексея скудны: это преимущественно «История» Анны Комниной и несколько писем современников (Льва Халкидонского, Василия Евхайтского). Все они не раз привлекались исследователями (В. Грюмель, П. Стефану), в том числе русским византинистом Н. Гроссу, работа которого не использована Главинасом¹. Автор, увязывая церковную историю с военно-политической, стремится уточнить хронологию и последовательность событий, выяснить спорные моменты в биографии Льва Халкидонского. Так, остроумно решается вопрос о месте ссылки Льва (стр. 140 и сл.); по Анне Комниной, это был Созополь, по Никите Хониату — Месимврия (Несебр); Главинас же, обращая внимание на то, что Лев Халкидонский называет духовного главу этого места епископом, исключает Месимврию, поскольку она была архиепископией.

В истории борьбы Льва в защиту сокровищ Главинас выделяет два этапа: на первом столкновение носило чисто политический характер, и осуждение Льва в январе 1086 г. было вызвано, как подчеркивает Главинас (стр. 124), не его взглядами на иконы, а его неповиновением властям. После 1086 г. догматически-богословские споры выдвигаются на передний план, но, так как в этом пункте расхождения не носили принципиального характера, соглашение могло быть достигнуто.

Главинас рассматривает проблему скорее в личном, нежели в общественном плане. Для него Алексей I — прежде всего благочестивый правитель, постоянно борющийся против ересей и стремившийся к упрочению византийского православия (стр. 38 и др.); поэтому каноническое оправдание конфискации занимает в его рассуждениях важное место (стр. 58 и сл.). Напротив, Главинас постоянно подчеркивает неуступчивость, упрямство Льва (стр. 199 и др.).

Хотя автор и ставит вопрос о союзниках Льва (стр. 130 и сл.), но лишь в личном плане. Каковы были те социальные силы, которые выдвинули Льва, — этим Главинас не занимается. Не задумывается он и над экономическими переменами, которые привели к стабилизации империи и позволили достичь соглашения со Львом Халкидонским в 1095 г.: как известно, хронологически оно совпадает с нормализацией монетного обращения², и служит, таким образом, показателем упрочения византийской казны.

А. К.

¹ Н. Гроссу. Дело халкидонского архиепископа Льва. — «Труды Киевской духовной академии», 1917, март—август. Ср. еще: *его же*. Церковно-религиозная деятельность императора Алексея I Комнина. — «Труды Киевской духовной академии», 1912, июль—август. Не использован и комментарий Я. Н. Любарского в кн.: *Анна Комнина*. Алехсиада. М., 1965.

² По М. Хенди, монетная реформа Алексея I имела место между 1084—1085 и 1092 г., скорее всего — в 1092 г. (*M. F. Hendy. Coinage and Money in the Byzantine Empire. 1081—1261. Washington, 1969, p. 46*). Попутно замечу, что представление Главинаса (стр. 43), будто ухудшение монеты началось только при Никифоре III Вотаниате, неверно.